

**ГЕТЕРОТОПИЯ ГРАНИЦЫ,
ИЛИ ДОЛЖНА ЛИ БЫТЬ ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ³⁰**

Якушенко Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: shuilong@mail.ru

В статье автор рассматривает концепт понятия «граница» в рамках фуconiанского подхода к гетеротопным пространствам. Определяя границу как гетеротопию, автор доказывает, что ее характеристики не сводятся только к защитной функции, а диктуются самим характером гибридности пространства в новых условиях. Ни физическое, и тем более ни культурное пространство не могут заканчиваться лишь по одну сторону границы, а продолжают и дальше. Граница – это некое пространство, где два культурных ландшафта перетекают друг в друга. И даже в том случае, где лиминальность границы определена жестким пределом, но и там это пространство в определенной мере транспарентно. Все это приводит к появлению нового трансграничного пространства, порожденного гетеротопной средой границы. Предыдущие модели границы, представлявшие собой лимесы, уже перестают быть актуальными. Трансграничные территории оказываются в более выгодном положении по сравнению с центральными районами метрополии. Вместе с тем, современное состояние международных отношений, проблемы транснациональных миграций, терроризма, наркотрафика не могут в полной мере ликвидировать само понятие границы, переведа ее на новый уровень отношений.

Ключевые слова: граница, фронтир, лимес, трансграничье, пограничье, гибридность

BORDER HETEROTOPIA OR SHOULD BE THE BORDERS LOCKED³¹

Yakushenkov Sergei N., D.Sc. (History), Professor
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: shuilong@mail.ru

The author analyzes in the article with the help of the Fuconian approach to heterotopic spaces the concept of «boundary» in the Russian discourse. Defining the boundary as a heterotopy, the author proves that its characteristics are not reduced only to a protective function, but are dictated by a hybrid nature of space under the new geopolitical conditions. Neither the physical nor, especially, the cultural spaces can end only on one side of the border, and are continued even further. The border is a kind of space where two cultural landscapes flow into each other. Even in the case where the liminal nature of the border is defined by a strict limit, but even there this space is transparent to a certain extent. All this leads to the appearance of a new transborder space, generated by the heterotopic boundary medium. Previous models of the border, which were limes, are no longer relevant. Very often transboundary territories are in a better position than the central metropolitan areas. At the same time, the current state of international relations, the problems of transnational migration, terrorism, drug trafficking can not completely eliminate the very notion of the border, transferring it to a new level of relations

Keywords: borders, frontier, heterotopia, transfrontier, transborders, limes, hybridity

Транснациональные миграционные потоки, наркотрафик, международный терроризм заставляют государства по-новому взглянуть на задачу защиты своих границ от нежелательных сил. Во многом этот новый взгляд детерминируется как потребностями общества и государства, так и концепцией границы. Вместе с тем эта концепция – всего лишь отражение открытости или закрытости общества, его готовности к взаимодействию с внешними силами. Данная статья является продолжением следу-

³⁰Статья выполнена при поддержке РФФИ проект № 15-33-11172 «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

³¹The research is conducted with the financial support of Russian Foundation for Basic Research Project N 15-33-11172 Cultural Security in Heterotopia.

ющих статей, посвященных анализу восприятия фронтального пространства [9]. Мы попытаемся проследить, как менялось понимание пограничного пространства в разные эпохи российской государственности и какие факторы играют сейчас в становлении концепции границы.

«Граница на замке» – вот лозунг, с которым выросло несколько поколений советских людей. С этим корпоративным лозунгом, написанном на флагах, выходят 28 мая бывшие пограничники, устраивающие ритуальные омовения в фонтанах парка им. Горького в Москве и в других местах. Полиция лишь лениво взирала на различные «неформальные» проявления пограничной вольности в виде асоциального поведения участников этого ритуального действия, предпочитая не вмешиваться в происходящее, то ли боясь неконтролируемого бунта подвыпившей толпы, обученной защищать границу от неприятеля, то ли воспринимая все происходящее как дань за сложную службу пограничников на дальних рубежах нашей Родины. И действительно, служба эта была суровая, полная лишений, но благородная. Да другой она и не могла быть. Само понятие советской границы предполагало эти трудности. Ведь граница эта была самой протяженной границей в мире, да и проходила она в самых суровых и труднодоступных местах. Но сложность эта была обусловлена не только суровой природой. В прошлом нередко опасность происходила от реального противника, и пограничники жертвовали своими жизнями, первыми встречая врага.

Еще в 1930-х гг. в советском сознании сформировалась особая модальность понятия «граница», которая требовала от каждого гражданина бдительности и посильного участия в защите рубежей отечества. Многие представители старшего поколения, побывавшие в пионерских лагерях, с энтузиазмом разучивали всеми любимую детскую песенку «Коричневая пуговка» на слова Е. Долматовского том, как бдительные пионеры, обнаружив на дороге в пыли странную пуговку, разоблачают шпиона. Прочитав на пуговице нерусские буквы, дети бегут к начальнику заставы и показывают, где они нашли эту пуговицу. После длительных поисков, шпион обнаружен. Установлено, что «нету пуговки от левого кармана, и сшиты не по-русски короткие штаны», а в его кармане «патроны от нагана и карта укреплений советской стороны». Вот так бдительность пионеров помогла обезвредить опасного шпиона. И, как говорилось в песне, «никто на нашу землю не ступит, не пройдет». Примечательно, что песня была написана в 1939 г., а в 1937 г. выходит советский фильм «Граница на замке» (реж. В. Журавлёв и К. Когтев), в котором повествуется, как на территорию СССР пробираются диверсанты, часть которых обезвреживают пограничники, а остальных помогают поймать колхозники. Именно в этот период и формируется основной концепт понятия «граница». Он тиражируется в стихах, прозе, кинолентах. У песни «Коричневая пуговка» имеется поэтическая предтеча 1937 г. – стихотворение С. Михалкова «Граница»: «В глухую ночь, в холодный мрак посланцем белых бандпереходил границу враг – шпион и диверсант. Он полз ужом на животе, он раздвигал кусты, он шел наощупь в темнотеи обошел посты» [4 с. 33]. Но бдительных пионеров невозможно обмануть: «Они спешили на урок, но тут случилось так: на перекрестке двух дорог им повстречался враг» [4, с. 34]. Смышленные пионеры приводят заблудившегося незнакомца к начальнику заставы: «Сидит начальник молодой, стоит в дверях конвой, и человек стоит чужой мы знаем, кто такой. Есть в пограничной полосе неписанный закон: Мы знаем все, мы знаем всех: Кто я, кто ты, кто он» [4, с. 34].

Граница в таком понимании – это особая территория, где каждый человек знаком, где даже ребенок ощущает свою причастность к важному делу защиты Родины.

Граница должна быть закрыта для всех. Она – бастион, непроницаемый, укрепленный и нерушимый. Эту сентенцию еще раньше в 1934 г. выразил Блюхер на XVII съезде КПСС: «Мы крепко, на замок запираем наши границы. Наши границы, как здесь сказал товарищ Ворошилов, опоясаны железобетоном и достаточно прочны, чтобы выдержать самые крепкие зубы. Об эти укрепления разобьётся любая империалистическая голова, охваченная военным угаром» [1, с. 630].

Тема границы, ее защиты, борьба с диверсантами на заставах была одной из самых популярных в 1930-е гг., когда собственно и складывалось в советском дискурсе само понимание границы. Правда, ничего нового Советское государство придумать в этом плане не могло, оно лишь унаследовало старые архаичные подходы, свойственные для многих обществ. Сравнивая российскую концепцию границы с китайской, антрополог Ф. Бийе замечает, что в русской и китайской культуре существует две модели границы: линия и зона [2, с. 157–160]. Россияне, по мнению Бийе, воспринимают границу как угрозу, а китайцы как зону возможностей: «Одним из наиболее явных индикаторов того, насколько разным может быть современное представление о границе у русских и китайцев, является эмоциональная окраска, которую приобретает это слово в китайском или русском языке. В то время как северо-восточная граница с Россией рассматривается китайцами преимущественно как «граница возможности», место, где зарождаются коммерческие связи и заключаются выгодные контракты, российские СМИ границу с Китаем зачастую ассоциируют с нелегальной иммиграцией и преступностью, порождая, таким образом, в общественном сознании образ границы как источника постоянных тревог. Это противоречие, при котором китайцы проявляют себя более расторопными и предприимчивыми, а русские как бы занимают постоянную оборонительную позицию, нашло, вероятно, свое отражение и в лингвистической сфере: больше китайцев владеет русским языком, чем русских – китайским» [2, с. 159]. Сложно не согласиться с британским антропологом, который в дополнение приводит и лексический анализ терминов в русском и китайском языках, относящихся к понятию рубежа и границы. Но вместе с тем, его сравнения требуют ряда уточнений. Вряд ли прямое сравнение китайского приграничного опыта и российского во всем может быть корректным. И дело здесь не в больших различиях между китайской и русской культурами, а в различном историческом опыте. Вместе с тем, это не означает, что это сравнение не нужно. Напротив, оно весьма позитивно, так как помогает выявить не только различия в двух моделях, но и найти точки соприкосновения. Китайская модель границы не может быть сведена исключительно лишь к зоне или определенному пограничному пространству. Великая китайская стена и есть линия, и пусть в конечном итоге она превращается в символ китайского могущества, не следует забывать, что создавалась она как пограничное сооружение, на котором вне всякого сомнения можно было бы написать: «Граница на замке». Как пишет историк Уолдрон, «династия Мин начала свое существование в четырнадцатом веке с открытого фронта и закончила, почти три века спустя, имея самую охраняемую границу в период китайской истории до Нового времени» [17, с. 55]. И если Россия не построила свою великую стену, но она создала в советский период одну из самых охраняемых границ. В конечном итоге в истории России была и своя «китайская стена», называемая засечной чертой, может быть не столь грандиозная в архитектурном плане, но по-своему хорошо охраняемая и довольно-таки протяженная [8].

В некоторой степени, появление оборонительных сооружений и в России, и Китае вызвано было одними и теми же проблемами: внешними угрозами и необходимостью обезопасить себя с помощью фортификационных сооружений от постоянных набегов кочевников [5, с. 367–372]. Мы уже писали про восприятие фронта как пространства хаоса, смертельных опасностей и нечеловеческих трудностей [9]. Буквально все понятия русской культуры, связанные с концепцией границы и порубежья указывают на это. Как верно отмечает Ф. Бийе, порубежье, рубеж этимологически восходит к понятию «рубить», однако, как нам кажется, это понятие не стоит ограничивать лишь понятию «рубить лес» и «строить сооружения» (ср. «срубить избу», «сруб»), но рубить – это еще и «сражаться», «рубиться на саблях» и т.д. То же самое мы находим и в другом термине, обозначающем «порубежье» – засечная черта. В данном контексте атрибут «засечная» указывает на сруб, деревянное сооружение, которое представляло собой укрепление с частоколом, направленным в сторону ожидаемого появления неприятеля. Но «сечь» это еще и место дислокации войска

(ср. Запорожская сечь, Задунайская сечь), а также и сражение, битва. «Посечь» является синонимом «порубит». К этим же понятиям примыкает и термин «острог», в значении «укрепленного сооружения на границе». Этимологически оно восходит к понятию «оконечности», «остроты», однако, позднее эволюционирует до понятия «тюрьмы», «места заключения», что совершенно неудивительно, так как в обоих случаях подчеркивается лиминальность этого места. Еще одним термином для приграничного поста является «застава», т.е. то, что «закрывает», «запирает» проход. Именно здесь позднее находится таможенный или мытный двор, где мытятся или платят пошлину. В конечном итоге корень «мыт» переходит в понятие «мытарства», т.е. «невзгод», «трудностей» и лишений.

Между прочим, в современном китайском кинематографе постулируется схожие модели восприятия удаленных приграничных территорий: там царит хаос, опасность, асоциальное поведение обитателей этой территории. Во многом, как полагает канадский историк А. Вудсайд, подобный подход к границе как территории хаоса и катастрофы преобладал в Китае в XIX в., но в XX в. эта концепция сместилась в сторону восприятия границы как территории возможностей и процветания [19, с. 21–22].

Все это хотя и является определенным стереотипом, но все же – живучим стереотипом, центральной идеей которого выступает Великая стена, защищающая страну, так как за Стеной обитают не люди, а звери, чудовища, готовые прийти и нарушить мирную жизнь. Именно об этом фильм 2016 г. известного китайского режиссёра Чжана Имоу «Великая стена». И пусть этот фильм всего лишь фэнтези, однако, он очень хорошо передает этот мотив, возникший сочетании границы и хаоса. Конечно, китайцы в этих страхах не одиноки. В одном из популярнейших телесериалов «Игра престолов», снятом по мотивам романов Дж. Мартина «Песнь льда и огня» есть своя Великая стена, за которой обитают «одичалые» и «живые мертвецы» или «белые ходоки».

Но вернемся к нашей границе. Российское понимание границы окончательно сложилось именно в 30-е гг. XX в. на волне всеобщей истерии борьбы с внешними классовыми врагами – империалистами, белогвардейцами и т.д., постоянно стремившимися разрушить мирную жизнь в нашей стране. Отношение советского партаппарата к этому вопросу строилось на принципах барьера, который должен был быть воздвигнут, чтобы оградить нашу страну от внешнего мира, чтобы иметь возможность построить здесь особый мир без влияния извне. Но так ли уж эта внешняя угроза была решающей в тезисе «Границы на замке»? Известная писательница, общественный деятель и доктор наук М. Чудакова так поясняет этот принцип: «И только после конца советской власти стало постепенно ясно, от кого же она была на замке... Это только в детской литературе – и не в лучших ее образцах, – рассказывалось, как шпионы и диверсанты изощряются в попытках пробраться к нам через наши священные рубежи... Прицепляют, например, к обуви коровьи копыта, чтобы запутать пограничника Карацупу и его верного пса Индуса, и тому подобное. В реальной жизни шпионы попадали в нашу страну, как и в любую другую, не пешком через границу, по лесам и болотам, а на самолетах и поездах, с официальным статусом. А наша граница была на замке исключительно от своих – чтоб не ушли через нее в страны гнивающего капитализма... И, кажется, еще не обнародованы цифры, сколько советских граждан, пытающихся покинуть свою страну, застрелили на нашей очень длинной, протянувшейся на тысячи километров границе» [7, с. 382]. На этот же символический смысл границы, призванный сдерживать граждан внутри страны, указывает и голландский ученый М. Пелкманс, анализируя билборд «Границу охраняет *весь* советский народ!», увиденный им в районе грузинского города Сарпи на бывшей советско-турецкой границе. Как поясняет Пулкманс, вся риторика плаката была обращена на советский народ, а не на турецкий, как следовало было бы предположить: «Послание должно было быть прочитано гражданами Советского Союза, напоминая им об их обязанности охранять границу, а также это был запрет на переход на другую сторону. Заборы и стены часто сооружают чтобы не пустить не-

желательных внутрь, но с таким же успехом могут строиться для того, чтобы не выпускать наружу» [15, с. 269]. Посетив эту же границу в конце 90-х гг., он обнаружил другой плакат, на котором было написано на трех языках (английском, турецком и грузинском) «Добро пожаловать в Грузию», и обращен плакат был уже по направлению к Турции [15, с. 270].

Именно поэтому, говоря о концепции границы в русской или китайской культурах, мы постоянно должны конкретизировать темпоральные и локусные характеристики границы. Российская/советская и российско-китайская границы знали разные формы бытийности: от условной линии до укрепленных фортификационных сооружений и реальных боевых действий с жертвами с обеих сторон.

И здесь отношение к пространству по ту сторону границы во многом, как нам кажется, зависит от того, как это пространство вписывается в национальную или государственную идеологию. И здесь замечание Ф. Бийе о том, что причиной особого отношения китайцев к границе с Россией как пространству возможностей и дополнительных ресурсов, вероятно является тот факт, что китайцы рассматривают эту территорию как принадлежащую им: «Такие регионы, как Монголия или части российского Дальнего Востока, в особенности Приморский край, рассматриваются не как китайские, а как не полностью иностранные. «Отколовшиеся» – как часто именуют их китайские националисты – представляют собой пороговые регионы, в настоящее время находящиеся не под китайским контролем, но имеющие сильные культурные и исторические связи с Китаем» [2, с. 165]. Как нам кажется, именно этот факт может быть решающим в восприятии трансграничного пространства китайцами. На это указывает и А. Вудсайд, отметивший связь появления нового отношения к фронтальной территории под влиянием зарождающегося национализма, во многом вызванного захватом Японией Маньчжурии у Китая [19, с. 22]. Мы в полной мере согласны с данным утверждением, так как пограничные споры или утрата каких-то территорий может явиться серьезным стимулом для националистической пропаганды. Вудсайд приводит и еще одну причину изменения отношения у китайцев к приграничным территориям – изучение европейского и американского опыта в этом вопросе [19, с. 22–23]. Здесь, правда, следует понимать, что подобные новые идеи высказывались в основном новыми интеллектуалами, а какого-то подробного анализа общественного мнения, бытовавшего в этот период, проведено не было. Понимания истинных причин появления в китайской ментальности нового отношения к границе можно ждать лишь в будущем. Сейчас мы можем лишь констатировать, что возросшая мобильность на границе с Китаем имеет под собой массу реальных экономических и идеологических причин. И подобную тенденцию можно было обнаружить и в советско-турецком приграничном сотрудничестве. Открытие границы в конце 80-х нач. 90-х гг. предоставило жителям массу новых возможностей для выживания. И хотя граница не стала прозрачной, однако она уже больше не была «на замке». Она функционировала как клапан, способствовавший обогащению жизненной силой для всех сотрудничающих народов. Каждая из сторон предлагала другое взаимовыгодное сотрудничество, пускай на незначительном уровне, но «мешочники» или «челноки», перевозившие грузы через границу, выполняли очень важную функцию товарообмена и насыщения российского рынка импортными товарами, в то время как региональная экономика других стран росла за счет этого товарооборота и финансового притока. Песенки, типа «Коричневая пуговка», уже не могли быть актуальными в подобной ситуации. Алешка, нашедший иностранную пуговку где-то в районе российско-китайской границы³², скорее всего сам бы был одет в китайские штаны, и вряд ли подобная находка приведет ребенка к идее диверсанта или шпиона.

³² Хотя в первоначальном варианте Е. Долматовского враг определен как «посланец белых банд» в ряде пародий, возникших, вероятно, в годы напряженных отношений между СССР и Китаем, шпион оказывался китайцем («на пятый повстречали китайского шпиона») или на его

Приграничное сотрудничество населения в ряде областей России, граничащих с другими государствами, стало особой реальностью, формирующей новый трансграничный культурный ландшафт. Житель границы во множестве случаев приобретает позитивную мобильность, дающую дополнительные возможности для реализации себя в рамках единого трансграничного пространства. Все это приводит к увеличению ресурсов, доступных населению подобных территорий, повышению их благосостояния и качества жизни. Укрепление экономических отношений между приграничными странами ставит перед администрацией этих территорий задачи по развитию инфраструктуры края, строительству логистических и туристических комплексов, торговых и складских помещений и т.д. [6, с. 129]. Все это создает новые рабочие места, повышает уровень образования населения и его профессионализм и т.д., способствует развитию финансовой сферы, инвестиционного климата [3]. Все это превращает данный регион из отсталого и периферийного в развитый динамичный регион, который по уровню развития может перегонять центральные районы страны.

Но помимо положительных моментов в региональном развитии подобных трансграничных территорий, открывшиеся возможности и новые условия функционирования несут в себе множество опасностей, рисков и вызовов, к которым не всегда приграничные администрации готовы. Эта неготовность проистекает опять же из отсутствия опыта, т.к. данный трансграничный феномен, если брать, например, российскую ситуацию, явление относительно новое, насчитывающее всего лишь два неполных десятилетия. Кроме этого, существовавшая модель границы была сведена к охранительной или ограничивающей функции, в ущерб коммуникационной. И здесь оказывается, что перед разными государственными институтами стоят разные задачи. Если администрация таких регионов нацелена, как правило, на приграничное сотрудничество, сулящее выгоду региону, то правоохранительные, пограничные и прочие органы заинтересованы в продолжении политики сдерживания, ограничения и максимального контроля. В условиях периферийного функционирования границы, удаленности от больших населенных пунктов, когда буквально все знают друг друга и каждый незнакомец вызывает настороженность, пограничный контроль оказывается максимально эффективным. Однако, в условиях выхода трансграничных территорий за пределы лиминальности, приток новых людей невозможно контролировать в полной мере. Их действия также слабо поддаются контролю. Все это приводит к контрабанде, наркотрафику, росту преступности и т.д. Как показывает международный опыт подобных территорий, они могут оказываться центрами международного и транснационального терроризма. Особенно это заметно проявилось в существовании, так называемого, «Тройного фронта» (исп. «LaTripleFrontera», англ. «TriborderArea», ТВА) – приграничной территории Бразилии, Аргентины и Парагвая. Эта территория всемирно знаменита своей теневой экономикой, через регион проходят товары на сумму превышающий годовой бюджет многих стран мира. Журналист С. Ротелла, изучавший ситуацию в этом регионе, назвал эту территорию «всемирной деревней преступников». По его сведениям, в 1994 г. здесь было сделано переводов на 12 миллиардов долларов [16]. В ТВА нашли приют мафии всех стран мира: китайская, корейская, арабская, палестинская, колумбийская, персидская, русская и т.д. [12]. Вместе с тем, не следует воспринимать Сиудад-дел-Эсте как территорию максимального насилия и криминала. По внутреннему укладу и повседневной жизни этот город мало чем отличается от других парагвайских или аргентинских городов [11, р. 295]. Любые подобные образования во многом сами заинтересованы в поддержании порядка в публичных центрах, а крупные магазины и торговые центры сами стараются обеспечить безопасность своим клиентам. Корреспондент

национальность указывали китайские штаны («А пуговики-то нету! У заднего кармана! И шиты не по-русски китайские штаны»), пародия Ю. Кима).

«Файнэншл Таймс» Дж. Уэббер назвала Сиудад-дел-Эсте «легкими» Парагвая, оживляющими экономику этой бедной страны [18, с. 375].

Все это ставит перед правительствами этих и других стран, заинтересованных в борьбе с международным терроризмом, задачу по выработке новых форм борьбы с организованной преступностью и терроризмом. Во многом, криминальная составляющая этого региона – результат недемократического развития этих стран, и особенно Парагвая. Как правило, именно благодаря коррупционной составляющей возможно подобное развитие региона. Именно покровительство силовых структур, призванных бороться с криминалом и терроризмом, способствовало их расцвету. Не случайно, именно при диктаторе Стресснере и возникла подобная ситуация.

Не следует предполагать, что феномен ТВА уникален. Схожие процессы происходят во многих пограничных городах мира. Различия чаще всего лишь количественные, но не качественные. Типичным примером подобного сценария развития является мексиканский город Тихуана, расположенный на северо-западе Нижней Калифорнии на границе с США. Являясь городом-близнецом американского Сан-Диего, Тихуана превратился в крупнейший экономический и культурный город Мексики.

Продолжающаяся глобализация и политика открытости, проводимая многими странами, невольно заставляет правительства и государственные органы этих стран искать новые пути контроля за развитием приграничных территорий, не снижая их эффективность как региональных экономических центров.

Вполне очевидно, что феномен трансграничья не может быть рассмотрен либо лишь в положительных, либо в отрицательных тонах. В последние десятилетия развития глобализма многие страны, нацеленные на мирное сосуществование, вынуждены прибегать к транспарентности своих границ. Эта открытость, как правило, связана с новыми секторами экономики, и не замыкается лишь на торговле. Любые контакты между соседними странами неизбежно принимают самые разнообразные формы, как легальные и нелегальные. Поэтому перед странами стоит задача превращения этих контактов в максимально легальную и прозрачную форму. А сделать это можно, как ни странно, при участии всего общества, заинтересованного в стабильном и успешном процветании фронтального региона. Но самое главное, что следует понимать в феномене пограничья, что у границы нет предела, так как ни физическое, ни культурное пространство не заканчивается какой-то чертой, пусть даже институциональной. Это пространство продолжается по обе стороны от этой условной демаркационной линии, функционируя по своим законам, не всегда подвластным национальным правительствам или региональным властям.

Список литературы

1. XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М., 1934.
2. Бийе Ф. Представления о границе в Китае и России: попытка концептуализации проблемы / Ф. Бийе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012, – Т. XV. – № 3 (62). – С. 155–172.
3. Бородавкина Н. Ю. Особенности трансграничного сотрудничества субъектов предпринимательства Калининградской области / Н. Ю. Бородавкина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – № 3. – С. 80–89.
4. Михалков С. Стихи для детей / С. Михалков – Иваново, 1952. – С. 33.
5. Новосельский А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / А. Новосельский. – М., 1948.
6. Чжоу Юй. Потенциал социокультурного пространства китайского приграничья в развитии с Россией / Чжоу Юй, Н. А. Абрамова // Вестник ЗабГУ. – 2013. – 4 (95). – С. 127–133.
7. Чудакова М. Егор. Биографический роман / М. Чудакова – М., 2012.
8. Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII веке: очерк из истории обороны южной окраины Московского государства / А. И. Яковлев – М., 1916.
9. Якушенков С. Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят / С. Н. Якушенков // Журнал фронтальных исследований. – 2016. – № 4. – С. 7–32.

- 10.Griffin E., Ford L. Landscape of a Culture Hybrid / E. Griffin & L. Ford // *Geographical Review*. – 1976. – № 4 : Т. 66. – P. 435-447
- 11.Hebblethwaite M. Paraguay / M. Hebblethwaite. – 2014.
- 12.Hudson R. Terrorist and organized crime groups in the Tri-border area (TBA) of South America: A Report Prepared by the Federal Research Division, Library of Congress. – Washington, 2010 (2003).
- 13.Jusionyte I. *Savage Frontier: Making News and Security on the Argentine Border* / I. Jusionyte. – Oakland, 2015.
14. Madrid A. *Nor-tecRifa!* – N. Y., 2008.
- 15.Pelkmans M. Chaos and Order along the (Former) Iron Curtain / M. Pelkmans // *A Companion to Border Studies*. – Oxford, 2012.
- 16.Rotella S. Jungle Hub for World's Outlaws /S. Rotella // *Los Angeles Times*. – 24 August 1998.
- 17.Waldron A. *The Great Wall of China: From History to Myth* / Waldron – Cambridge, 1990.
- 18.Webber J. Ciudad del Este's Deadly Trade Route /J. Webber // *The Paraguay Reader: History, Culture*. – Durham, 2013.
- 19.Woodside A. The Centre and the Borderlands in Chinese Political Theory / A. Woodside // *The Chinese State at the Borders* / ed. Lary D. – Vancouver, 2007.

References

- 1.XVII s'ezdVKP(b). *Stenograficheskiyotchet*. [17 Congress of CPSU] – M., 1934.
- 2.Biye F. Predstavleniya o granitse v KitaeiRossii: popytkakontseptualizatsiiproblem [Bille F. The Image of the border in Russia and China] // *Zhurnalsotsiologiiisotsial'noyanthropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropolgy] 2012, – Т. XV. -№ 3 (62), p. 155-172.
- 3.Borodavkina N. Yu. Osobennostitransgranichnogosotrudnichestvasub"ektovpredprinimatel'stvaKaliningradskoyoblasti[Features of cross-border cooperation of business entities of the Kaliningrad region] // *VestnikRossiyskogogosudarstvennogouniversitetaim. I. Kanta*. 2010, -№ 3. p. 80-89.
- 4.Mihalkov S. *Stihidlyadetey* [Poems for Children] – Ivanovo, 1952.
- 5.Novosel'skiy A. A. *Bor'baMoskovskogogosudarstva s tatarami v pervoyopolovine XVII v.* [The Moscow State Struggle with the Tartar in the first half of the 17 century] – M., L., 1948.
- 6.ChzhouYuy, Abramova N. A. Potentsialsotsiokul'turnogoprostranstvakitayskogoprigranich'ya v sorazvitii s Rossiey [Potential of Chinese borderland sociocultural space in co-development with Russia] // *VestnikZabGU*. 2013. – 4 (95). ss. 127-133.
- 7.Chudakova M. *Egor. Biograficheskiy roman* [Egor. Biographical Novel] – M., 2012.
- 8.Yakovlev A. I. *ZasechnayachertaMoskovskogogosudarstva v XVII v.* [Zasechnaya Line of the Moscow State in the 17th c.] – M., 1916.
- 9.Yakushenkov S. N. Na granitsetuchihodyathmuro, kraysurovytishinoyob'yat[Gloomy clouds cover the border – the stern land is enveloped in silence]// *Zhurnalfrontirnyhissledovaniy*. [Journal of Frontier Studies]2016. – № 4. pp. 7-32.
- 10.Griffin E., Ford L. Landscape of a Culture Hybrid.*Geographical Review*. 1976, – № 4 : Т. 66. pp. 435-447
- 11.Hebblethwaite M. Paraguay., 2014.
- 12.Hudson R. *Terrorist and organized crime groups in the Tri-border area (TBA) of South America*: A Report Prepared by the Federal Research Division, Library of Congress. – Washington, 2010 (2003).
- 13.Jusionyte I. *Savage Frontier: Making News and Security on the Argentine Border*. – Oakland, 2015.
- 14.Madrid A. *Nor-tecRifa!*– N. Y., 2008.
- 15.Pelkmans M. Chaos and Order along the (Former) Iron Curtain.*A Companion to Border Studies*, Oxford, 2012.
- 16.Rotella S. Jungle Hub for World's Outlaws // *Los Angeles Times*. – 24 August 1998.
- 17.Waldron A. *The Great Wall of China*. – Cambridge, 1990.
- 18.Webber J. Ciudad del Este's Deadly Trade Route*The Paraguay Reader: History, Culture, Politics*. – Durham, 2013.
- 19.Woodside A. The Centre and the Borderlands in Chinese Political Theory. *The Chinese State at the Borders*. – Vancouver, 2007.